

Раз Цзян Сюньвэй мог знать правду, без помощи Цзян Чжэн было не обойтись.

Завершив видеозвонок, Ли Жун в пару глотков доел оставшуюся лапшу и с довольным видом слизнул капельку бульона с уголка губ.

— Наелся.

Цэнь Сяо тоже закончил трапезу, вытер рот салфеткой и поинтересовался:

— Вкусно?

— У тебя определенно талант к кулинарии, — вполне искренне похвалил его юноша.

Было действительно вкусно, хотя чувство зверского голода тоже сыграло свою роль.

Цэнь Сяо поднялся и составил посуду в посудомоечную машину.

— Сегодня суббота, у Цзян Сюньвэя не должно быть приема. Я попрошу Гэн Аня связаться с Цзян Чжэн, нужно встретиться с её отцом.

Загрузив тарелки, мужчина обернулся и наткнулся на внимательный взгляд Ли Жуна. Юноша сидел, скрестив руки на груди, и на его губах играла едва заметная лукавая улыбка. Цэнь Сяо на мгновение замер, в его глазах промелькнуло замешательство.

— Что такое?

Ли Жун приподнял веки и негромко вздохнул. Вид у него был расслабленный, но в голосе прозвучала легкая досада:

— Ничего.

Цэнь Сяо уже готов был облегченно выдохнуть, как юноша небрежно добавил:

— Но если я когда-нибудь узнаю, что ты что-то от меня скрываешь...

Он не договорил, лишь многозначительно посмотрел на собеседника. Угроза в этом взгляде читалась более чем отчетливо. Впрочем, Цэнь Сяо был не из тех, кого можно было напугать до потери самообладания.

Он вышел из кухни, обхватил Ли Жуну за талию и, наклонившись, коснулся губами его губ.

— Хорошо. Тогда и призовешь меня к ответу.

Ли Жун поджал губы и увернулся от поцелуя.

«Похоже, он твердо решил молчать»

«Досадно. Несмотря на всё своё умение видеть людей насквозь, он не мог пробиться сквозь глухую оборону Цэнь Сяо»

Ли Жун глубоко вздохнул, уперся ладонями в плечи мужчины и ворчливо бросил:

— Идем уже. Ищи свою Цзян Чжэн.

Цэнь Сяо негромко рассмеялся и легонько ущипнул его за бок.

— Я же сказал: можешь в любое время выставить мне счет. Чего же ты злишься?

— А ты поосторожнее со словами, — Ли Жун фыркнул. — Я человек мстительный, жестокий и коварный. Запру тебя где-нибудь, раздену догола и буду пороть плетью!

Цэнь Сяо вскинул бровь, его кадык дернулся, а голос стал на октаву ниже:

— Можешь приступать прямо сейчас.

Солнце клонилось к закату, окрашивая горизонт в густо-оранжевые тона. Подтаявший на обочинах снег снова начал схватываться ледяной коркой, замирая в ожидании морозной ночи.

Благодаря Гэн Аню договориться с Цзян Чжэн оказалось несложно, хотя на этот раз она выглядела настороженной. Девушка окинула взглядом троих мужчин, крепко сжала лямку сумки и с подозрением спросила:

— Разве мы не договорились, что я пока не дам вам улики?

Она не ожидала, что Гэн Ань снова выйдет на связь уже на следующий день. Ей казалось, что вчера она выразилась предельно ясно; к тому же ей самой требовалось время, чтобы разобраться в кавардаке собственных чувств.

Гэн Ань указал на Цэнь Сяо:

— Это мой непосредственный начальник, капитан группы «Призрачный глаз». Кроме того, он сын председателя Третьего района Объединенной палаты «Ланьшу». Если мы хотим тебе помочь, то без него не обойтись.

Цзян Чжэн поджала губы, пристально разглядывая капитана. Она была немало удивлена его молодостью — он выглядел как минимум на десять лет младше Гэн Аня, но уже занимал столь высокий пост. Добился ли он этого талантом или благодаря связям отца, её не волновало. Главное, Гэн Ань не солгал: у них действительно были силы, чтобы свалить Хань Цзяна.

Для неё не имело значения, движет ли руководством жажда справедливости или личная выгода. Враг моего врага — мой друг. С этой мыслью выражение лица девушки смягчилось. Она протянула руку:

— Здравствуйте.

Цзнь Сяо ответил на рукопожатие, но сделал это предельно сдержанно и отстраненно. Едва коснувшись её пальцев, он тут же отстранился, заставив девушку на мгновение замереть. Пусть она была значительно старше него, но всё же считалась признанной красавицей, а рядом с ним не было никакой женщины. Даже если у него не было лишних мыслей, такая демонстративная холодность выглядела странно.

Цзян Чжэн прочистила горло:

— Я уже сказала всё, что могла.

Гэн Ань бросил взгляд на спутников, после чего с добродушной улыбкой обратился к старой знакомой:

— Послушай, Хань Ин вчера выходил с тобой на связь?

Собеседница промолчала, и Гэн Ань понял, что угадал.

— Знаешь, ты могла бы притвориться, что готова возновить ваши отношения. Если удастся усыпить его бдительность и вытянуть какую-нибудь информацию, будет просто отлично.

Цзян Чжэн сглотнула:

— Я и сама об этом думала.

На самом деле была еще одна причина, о которой ей не хотелось говорить вслух. Она засыпала Хань Ина вопросами: женат ли он, в разводе ли, как жил все эти годы за границей? Сначала он увиливал, но, когда она прижала его к стенке, туманно намекнул, что сейчас свободен, и даже

показал в видеозвонке кольцо на указательном пальце.

Последняя надежда рухнула. Слушая его ложь, ей хотелось только горько усмехаться. Хань Ин заявил, что вернулся в страну из-за тяжелой болезни бабушки, которая якобы была при смерти. Он божился, что приехал ухаживать за ней, и при этом очень скучал по бывшей возлюбленной.

Но девушка прекрасно понимала: Хань Ин не тот человек, который способен на преданность или ответственность. Если он мог флиртовать с ней в то время, как его родной человек был при смерти, значит, даже семейные узы для него пустой звук. Что уж говорить о ней.

Покончив с обсуждением бывших, Цэнь Сяо перешел к делу.

— Вообще-то, — серьезно произнес он, — сегодня мы здесь в первую очередь для того, чтобы попросить тебя о встрече с твоим отцом, Цзян Сюньвэем.

Цзян Чжэн опешила и тут же нахмурилась:

— Отец тем более не отдаст вам никаких улик. И вообще, он ничего об этом не знает.

— Речь не об этом деле, — покачал головой Цэнь Сяо. — Есть другой вопрос.

Девушка недоуменно воззрилась на него. Молчавший до этого Ли Жун внезапно спросил:

— Ты знаешь, почему твой отец отказался остаться в больнице «Цзяцзя» после выхода на пенсию?

Цзян Чжэн замялась. Ей не хотелось этого признавать, но со времени их прошлой встречи этот юноша внушал ей какое-то необъяснимое опасение — ей совершенно не хотелось переходить ему дорогу.

— Разумеется, потому что в частной клинике условия лучше. Зачем вы об этом спрашиваете?

Ли Жун опустил взгляд и криво усмехнулся:

— Неужели? Но при всём его опыте и таланте, почему он так и не стал заведующим?

Цзян Чжэн никогда всерьез не задумывалась над этим. После выпуска ей не удалось уехать на стажировку за границу, и она забросила биохимию. Сначала работала учителем, но через несколько лет поняла, что в этой сфере у женщины мало перспектив для роста, и ушла в швейный бизнес. Её жизнь состояла из взлетов и падений, но в целом шла своим чередом.

Поскольку она вращалась в кругах частных предпринимателей, она лишь смутно представляла себе правила работы госбольниц и никогда не смотрела на ситуацию глазами родителей.

Но вопрос Ли Жун заставил её засомневаться. Неужели в этой истории крылось что-то еще? Может быть, это как-то связано с тем, что годы назад родители тайно организовали ей аборт, и об этом стало известно?

— Наверное... дело в его характере, — неуверенно произнесла она. — Отец очень упрямый, и характер у него не сахар. Иногда пациенты задают глупые вопросы, а он терпеть не может объяснять прописные истины — из-за этого вечно возникали конфликты. К тому же он слишком принципиален и не умеет идти на компромиссы. У него в отделении почти не было друзей. Когда выбирают заведующего, смотрят не только на мастерство, но и на лидерские качества, на умение ладить с людьми. А с его репутацией... вряд ли его многие поддерживали. Разве может быть другая причина?

Цзян Чжэн занервничала. Она испугалась, что её прошлое действительно могло испортить родителям карьеру, ведь она чувствовала, что отец всегда дорожил своим статусом.

Цэнь Сяо понимал, что Ли Жун тоже не знает всех деталей, но его слова были наживкой. Юноша методично доводил девушку до состояния тревоги, чтобы она сама захотела устроить им встречу с родителем. Когда дело касается семьи, никто не может сохранять полное хладнокровие.

— В такой крупной больнице, как «Цзяцзя», принято проявлять уважение к ветеранам. Любому руководителю при выходе на пенсию присылают формальное предложение остаться. Но действительно ли в нём нуждаются или просто соблюдают приличия — это всегда видно по предложенным условиям. Неужели директор Чжай не знала цену такому специалисту, как Цзян Сюньвэй? Если бы она действительно хотела его оставить, разве предложила бы ему контракт, от которого невозможно не отказаться?

Ли Жун говорил ровно и спокойно, но именно эта невозмутимость пугала сильнее всего. Пройдя через испытания молодости, Цзян Чжэн стала подозрительной и чувствительной. Теперь его слова заставили её поверить: в истории с отставкой отца действительно было двойное дно. И как родители когда-то не могли стерпеть несправедливости по отношению к ней, так и она не могла допустить, чтобы обидели их.

Поколебавшись, она глубоко вздохнула и сдалась:

— Отец сегодня как раз вернулся из города Линь, где читал лекции. Сейчас он дома... Я... попробую спросить его.

— Спроси его, — неожиданно добавил Ли Жун, — не хочет ли он встретиться, чтобы поговорить о «Люйиньсюй».

Цзян Чжэн замерла. Она ничего не понимала, но, закусив губу, отошла в сторону с телефоном. Убедившись, что её не услышат, девушка осторожно набрала номер.

Минут через пятнадцать она вернулась из угла. Её взгляд, направленный на Ли Жуна, был полон удивления, смешанного с каким-то странным узнаванием.

— Отец сказал, что сейчас приедет.

Юноша кивнул, не выказав ни капли облегчения. Девушка продолжала пристально смотреть на него — этот человек казался ей всё более загадочным. Такой молодой, а знает столько всего. Знает о страданиях Сюй Танхуэй, знает о тайных пружинах дела о взрыве в лаборатории, и даже знает о «Люйиньсюй».

Она помнила, что этот препарат был связан с Ли Цинли — она сама упоминала это имя в прошлый раз, предполагая, что Хань Цзян мстил ему. Но тогда это было лишь её догадкой, на которую Ли Жун никак не отреагировал. А теперь он был абсолютно уверен, что отец приедет именно ради этого названия.

Когда она спросила Цзян Сюньвэй, не хочет ли он поговорить о «Люйиньсюй», она боялась, что отец даже не вспомнит, что это такое. Но после недолгого молчания тот выдал лишь одно короткое слово: «Приеду».

Прошло два года, и Цзян Чжэн даже не подозревала, что её отец знает подноготную «Люйиньсюй». Но она знала его негибкий и сложный характер. Если он согласился на встречу, значит, в деле «Люйиньсюй» действительно скрывалась какая-то грязь. Та громкая история, закончившаяся так внезапно, явно таила в себе немало скелетов.

Они сидели в ресторанчике японской кухни неподалеку от дома Цзян Чжэн. В отдельных кабинках было вполне уединенно, хотя конструкция татами была не слишком удобной. Ужинать они не собирались, но для вида Гэн Ань заказал ассорти сашими и темпуру. Из отверстий в подносе густо валил пар от сухого льда, окутывая ломтики свежей рыбы прозрачной дымкой, но к еде никто не притронулся. В кабинке царил молчок, пока спустя сорок минут не прибыл Цзян Сюньвэй.

Ему было шестьдесят лет. Его волосы почти полностью поседел, лишь кое-где виднелись темные пряди. У него были резкие, глубоко вырезанные черты лица и суровое выражение, внушающее невольное уважение. В его облике еще угадывалась былая стать и красота — густые брови, прямой нос, твердо очерченный рот. Дочь явно унаследовала свою внешность от него.

Войдя и увидев юные лица незнакомцев, врач нахмурился. Он ожидал увидеть как минимум влиятельных следователей, решивших возновить дело двухлетней давности. А перед ним сидела компания вчерашних студентов. Старик уже начал жалеть о своем поспешном приезде.

Ли Жун наконец пришел в движение. Он поднял голову и мягко, дружелюбно улыбнулся девушке:

— Госпожа Цзянь, не могли бы вы оставить нас на время? То, о чем мы хотим поговорить с доктором Цзяном, не имеет отношения к семье Хань.

Цзянь Чжэн на мгновение растерялась. Она должна была возмутиться такой бестактной просьбе, но, встретившись с ним взглядом, не смогла произнести ни слова отказа. Этот человек был слишком загадочен и хитер. Он умел видеть людей насквозь и очаровывать их, заставляя идти у него на поводу, даже вопреки здравому смыслу. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, она попала под влияние его харизмы — стоило ей увидеть надежду в его глазах, как собственные принципы показались ей чем-то незначительным.

К тому же сам отец не возражал. Взглянув на него, она поняла: Цзян Сюньвэй тоже не хочет, чтобы дочь знала правду о «Люйиньсюй». Закусив губу, она подхватила вещи и поднялась со своего места.

Гэн Ань тут же вскочил следом:

— О, старая подруга, пойдём, я составлю тебе компанию за чашечкой саке.

Врач неприязненно оглядел Цэнь Сяо и Ли Жуну, снял пальто и сел на место дочери.

— Вы двое, совсем еще дети...

Ли Жун невозмутимо перебил его:

— Позвольте представиться. Я Ли Жун, сын Ли Цинли и Гу Нун.

Цзян Сюньвэй замер с полуоткрытым ртом, его глаза округлились. Некоторое время он не мог вымолвить ни слова. Ли Цинли... Гу Нун... Эти имена казались пришельцами из далекого прошлого, их уже давно никто не произносил вслух. Он и представить не мог, что однажды будет сидеть в японском ресторанчике с сыном профессора Ли, обсуждая события двухлетней давности. В личности юноши он не сомневался — только кровный родственник мог спустя столько времени продолжать искать правду.

При этой мысли врачу стало не по себе от щемящего чувства жалости. Оказывается, никто больше не расследовал это дело. И в конце концов к нему пришел этот мальчишка, у которого еще молоко на губах не обсохло. Каких бы высот ни добились супруги Ли при жизни, для большинства они превратились лишь в забытый заголовок старых новостей.

Цзян Сюньвэй прочистил горло и осторожно спросил:

— Профессор Ли и профессор Гу тогда что-то заподозрили?

Он и сам не заметил, как его тон стал гораздо мягче. Ли Жун едва заметно покачал головой:

— Я не знаю. В то время мир для моих родителей рухнул. Когда на тебя обрушивается лавина ненависти, когда ты боишься выйти из дома, трудно сохранять ясность ума и искать заговоры. Их фотографии висели на каждом углу, даже на газетных киосках у нашего дома. Каждый день я выходил за едой, приносил её домой и уговаривал их поесть, хотя на самом деле кусок в горло не лез никому из нас.

В те дни мы постоянно сомневались. Но не в чистоте испытаний первой фазы, а в самих себе, в этом мире. Мы пытались заново склеить осколки нашего мировоззрения, собрать хоть какое-то подобие прежней картины, но выходило лишь нечто уродливое и пугающее. Мы даже пытались понять, проанализировать собственные ошибки, чтобы найти в происходящем хоть какую-то логику. Иначе было невозможно принять реальность: почему люди, всю жизнь творившие добро, закончили именно так?

От одних воспоминаний о тех днях подкатывала тошнота. Хорошо, что время притупило боль, и теперь он мог сказать себе: «Всё в прошлом».

Цэнь Сяо накрыл его ладонь своей. Тепло руки успокаивало, помогая Ли Жуну выбраться из водоворота памяти. Он посмотрел на собеседника:

— Доктор Цзян, в то время вы работали в педиатрии. Скажите, что вам известно?

Врач тяжело опустил голову. Он был человеком честным и упрямым, и обостренное чувство справедливости не позволяло ему спокойно слушать этот рассказ.

— Я не отвечал за первую фазу испытаний «Люйиньсюй». Столь важный проект директор Чжай Нин поручила заведующему Чжоу Хуну. Признаюсь, тогда я был задет — мне казалось, что Чжай просто продвигает своих. Позже, когда начались смерти, я даже спрашивал себя: может, это я предвзят и ищу в Чжоу Хуне недостатки там, где их нет? Чтобы не превратиться в озлобленного старика, я решил уйти. Тем более что «Цзяцзя» и не горела желанием меня удерживать. Когда мне отказали в нормальных условиях переоформления, директор не стала настаивать.

— Что именно в поведении Чжоу Хуна показалось вам подозрительным? — спросил Цэнь Сяо.

Вздыхнув, доктор продолжил:

— У каждого заведующего в отделении есть кабинет. Кабинет Чжоу Хуна был прямо напротив моего. Вы же знаете, пациенты часто приходят к нам вне часов приема — разузнать подробности, попросить об операции... Но кроме пациентов были и другие посетители.

Ли Жун, видя заминку врача, спокойно договорил за него:

— Медицинские представители.

Тот горько усмехнулся:

— Это было пять-шесть лет назад. Сейчас медпреды редко заглядывают прямо в кабинеты — контроль ужесточился, все дорожат своим местом. Именно поэтому меня и удивило, что я несколько раз видел людей из биотехнологической компании «Сухэ» у дверей Чжоу Хуна. Они были в штатском, не афишировали себя, но за столько лет работы мой глаз наметан.

Цзян Сюньвэй замолчал, внимательно наблюдая за реакцией собеседников. Увидев, что те ничуть не удивлены, он понял: они уже знают о причастности «Сухэ».

— Тогда директор Чжай Нин полностью погрузилась в испытания «Люйиньской», и многие текущие дела отделения легли на меня. Я тогда подумал: если препарат окажется успешным, он нанесет сокрушительный удар по «Цзякэтину», который производит «Сухэ». Я не утверждаю, что они обязаны были вредить, но такая близость Чжоу Хуна с ними выглядела, мягко говоря, неуместно.

Ли Жун слушал молча. Теперь в их деле появилась еще одна ключевая фигура — Чжоу Хун. С каждым новым именем туман вокруг этой истории рассеивался. Старик потер переносицу:

— Всё это были лишь догадки, они ничего не доказывали. Пока я не оказался на одном дежурстве.

Юноша невольно сжал руку Цэнь Сяо. Сухой лед в подносе с сашими окончательно испарился, и сырая рыба без дымчатой завесы выглядела как-то жалко. Цзян Сюньвэй уставился в стену, погружаясь в прошлое:

— Я читал статью профессора Ли о принципах работы «Люйиньской». В теории всё было безупречно, это логически вытекало из его гипотезы об оптимизации CAR-T. К тому же испытания на животных прошли успешно. Единственный вопрос заключался в том, как отреагирует человеческий организм, особенно неокрепший, и не возникнет ли побочных эффектов. Поскольку лекарство — это инъекционный препарат, а мест в «Цзяцзя» вечно не хватает, дети-добровольцы проводили в больнице всего два-три дня под наблюдением, а потом возвращались домой до следующего укола через десять дней. Вот в эти десять дней всё и случилось.

Врач тяжело вздохнул:

— В ту ночь я дежурил. Ребенка привезли в три часа утра — он был в состоянии глубокого шока от жара. Вы должны понимать: большинство из тех двадцати детей были из детских

домов. Там много воспитанников и мало персонала, за ними не могут следить так же пристально, как родители. К тому же некоторые дети замкнуты, они терпят боль до последнего, пока не становится слишком поздно.

Я сделал всё, что мог, но было поздно. Еще во время реанимации я заметил странности. У больницы были полные истории болезни всех добровольцев, но реакция организма ребенка совершенно не соответствовала документам. Позже руководитель детского дома, заминаясь, признал: у мальчика были сопутствующие заболевания.

Цэнь Сяо нахмурился:

— В первой фазе клинических испытаний, когда безопасность еще не подтверждена, набирают только абсолютно здоровых детей. В пресс-релизах четко говорилось: к участию допускаются только дети без хронических патологий.

Врач кивнул:

— Не знаю, скрыли ли это намеренно или произошла ошибка в документах, но у того мальчика, как и у других погибших сирот, были фоновые болезни.

Ли Жун опустил глаза, его голос звучал устало:

— «Люйиньсюй» со временем должны были получать и дети с сопутствующими диагнозами. Помню, родители говорили, что требования первой фазы были такими жесткими именно для подстраховки.

— Не могу сказать наверняка, — покачал головой старик. — Но у тех детей развилась тяжелейшая инфекция, была поражена нервная система. Те, у кого иммунитет был покрепче, выкарабкались. Дети с хроническими болезнями и слабым иммунитетом — нет. Тогда я заподозрил, что дело в качестве препарата. Но в то время все кричали лишь о том, что новое лекарство бесполезно против бактериальной прогерии, и на чистоту состава никто не обратил внимания. Позже поднялся такой шум, что в больнице ввели режим строжайшей секретности — запретили даже обсуждать это между собой. Но у меня всегда было одно подозрение...

Он замолчал, глядя на юношу в нерешительности. Тот лишь горько усмехнулся:

— В больнице «Цзяцзя» использовали вовсе не «Люйиньсюй». Им подсунули низкокачественный «Цзякэтин», загрибированный под новый препарат.

Вот оно! Сердце Цзян Сюньвэя пропустило удар. Раз это был не «Люйиньсюй», он и не мог лечить прогерия. А поскольку это был даже не оригинальный «Цзякэтин», он не давал даже сдерживающего эффекта. Препарат производился в сомнительных условиях, что вызвало грибковую инфекцию. В условиях детского дома на первые симптомы не обратили внимания, и

в итоге группа детей с хроническими болезнями стала идеальной уликой против Ли Цинли.

Доктора пробрал озноб. Среди бела дня, на глазах у всех, эти люди совершили чудовищное преступление и вышли сухими из воды! Ироничнее всего было то, кто в этом участвовал: фармгигант, якобы борющийся с редкими болезнями, больница, призванная спасать жизни, и приют, обязанный заботиться о сиротах. Каждый сделал шаг в сторону ради выгоды, и в итоге родилось это чудовищное дело, которое теперь все так старательно замалчивали.

С силой ударив кулаком по столу, старик покраснел от гнева.

— Жаль, что у меня не осталось доказательств! — прохрипел он сквозь зубы. — Тогда я старался держаться подальше от этого проекта, чтобы не портить себе нервы. Если бы я только знал, я бы вцепился в глотку Чжоу Хуну!

Ли Жун был куда спокойнее. Он лишь негромко спросил:

— Что вы думаете о Чжай Нин?

Раз Цзян Сюньвэй оказался достойным человеком, юноша и говорил с ним подчеркнуто вежливо. Тот взял чайник, налил себе чашку матти и сделал глоток, пытаясь унять дрожь в руках.

— Я понимаю, почему ты подозреваешь директора. Чжоу Хун — её двоюродный брат. Честно скажу, я сам был не в восторге от того, что она его назначила. Но если быть объективным, Чжай Нин — прекрасный врач и хороший человек. Вам этого не понять, но я проработал в больнице десятки лет. Иногда к нам попадают бедолаги без гроша в кармане. По правилам мы должны отказывать им в лечении — такова суровая реальность. Если случаю совсем нельзя помочь, тут уж ничего не поделаешь. Но если больного может спасти одна сложная операция, она всегда находит способ её организовать. За эти годы директор помогла сотням людей. Я не верю, что она могла погубить сирот ради денег.

Ли Жун промолчал. Он своими глазами видел Чжай Нин за одним столом с Чжэн Чжупанем. Как минимум она была в курсе происходящего. Врач заметил его скепсис.

— Конечно, возможно, у директора есть и другая сторона, о которой я не знаю. По крайней мере, то, что она заставила всех молчать после трагедии, выглядит странно.

Это было всё, что знал Цзян Сюньвэй. Он заверил собеседника, что если когда-нибудь дело дойдет до суда, он готов дать показания ради памяти профессоров Ли и Гу.

— Пожалуй, мне пора. Не знаю, как вы познакомились с моей дочерью, но она абсолютно ничего об этом не знает. Мы с её матерью решили, что это слишком опасно, и ничего ей не говорили. Пожалуйста, не впутывайте её в это.

Юноша вскинул бровь:

— Цзянь Чжэн уже за тридцать. Нельзя вечно скрывать от неё правду.

— Для родителей дети всегда остаются детьми, — тяжело вздохнул старик. — Мы с матерью еще живы и хотим, чтобы она поменьше знала о таком зле.

Это было скрытое предупреждение: Ли Жун не должен использовать его дочь. Врач понимал, что дело «Люйиньской» — это пороховая бочка, и любой, кто окажется рядом, может пострадать. Он готов был рискнуть собой ради справедливости, но не дочерью.

Разумеется, Ли Жуна не пугали угрозы, но эти слова заставили его надолго замереть. Оказывается, вот как думают родители. Оказывается, вот каково это — когда они рядом.

Ему самому, если считать обе жизни, было двадцать пять. Но у него больше не было гавани, где можно было укрыться от шторма.

Придя в себя, Ли Жун вежливо улыбнулся врачу:

— Хорошо.

«Оказывается, вот как думают родители»

«Оказывается, вот каково это — когда они рядом»

<http://bllate.org/book/15351/1505423>